

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1'0.09-31

МОТИВ НЕБЕСНОГО ЗАСТУПНИЧЕСТВА В ДРЕВНЕРУССКИХ ВОИНСКИХ ПОВЕСТЯХ XV ВЕКА

С. С. Александров

Александров Сергей Сергеевич, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sereza-1988@mail.ru

В статье анализируются формы небесного заступничества, а также способы их введения в текст воинских повестей, указываются функции божественного вмешательства, как сюжетные, так и внесюжетные.

Ключевые слова: воинская повесть, мотив, небесное заступничество, божественное вмешательство, знамение, чудо от иконы.

The Motive of Divine Intercession in Old Russian Military Novels of the XVth Century

S. S. Aleksandrov

Sergey S. Aleksandrov, ORCID 0000-0001-7766-5447, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, sereza-1988@mail.ru

The article analyzes the forms of divine intercession as well as the means of their integration in the text of the military novels; the functions of divine intervention are indicated, both within and without the plot.

Key words: military novel, motive, divine intercession, divine intervention, precursor, miracle from an icon.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-165-169

Мотив небесного заступничества (помощи свыше, божественного вмешательства) является характерной особенностью поэтики древнерусских литературных памятников в целом и воинской повести в частности. Применительно к произведениям о победах и поражениях русских воинов на этот аспект указал А. С. Орлов, называя объекты своего рассмотрения произведениями «с элементом заступничества божественной силы»¹. Эти произведения ученый делит на два вида:

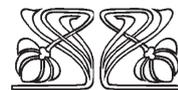
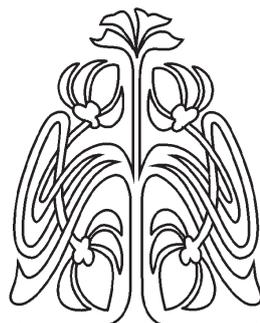
– сосредоточение повествования «вокруг истории той или другой святыни»;

– «собственно воинская повесть с одним чудесным эпизодом в рассказе»².

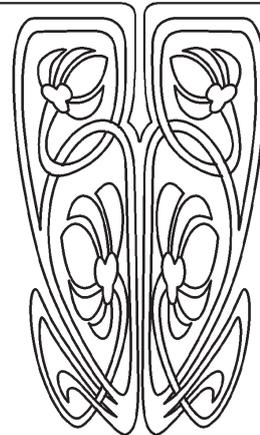
Следовательно, божественное вмешательство служит для исследователя основанием для деления повестей на группы.

Обратимся к двум произведениям: «Повести о нашествии Тохтамышша» и «Повести о Темир-Асаке». Они близки друг другу и хронологически (появились в начале XV столетия, а повествуют о недавнем прошлом), и тематически (рассказывают о вторжении на Русь иноземных захватчиков: Тохтамышша и Тамерлана).

Повесть о нашествии Тохтамышша на Москву существует в двух вариантах: кратком («Повесть о московском взятии от царя Тохтамышша») и пространном («Повесть о московском взятии от царя Тохтамышша и о пленении русской земли»). Литературная история этого памятника представляет собою своего рода детектив без развязки. В трудах исследователей нет единой точки зрения относительно первоисточника данной повести. И все же с большой долей уверенности можно сказать, что

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

сначала был создан краткий вариант, затем пространственный. Возникает закономерный вопрос: является ли это произведение самостоятельным или входит в состав летописи? Большинство ученых (Д. С. Лихачев, Н. М. Тихомиров, М. А. Салмина, Б. Н. Путилов) придерживаются мнения, что если оно дошло до нас в составе летописей, значит, это произведение не обладает самостоятельностью. Например, Н. М. Тихомиров пишет: «...она [повесть] не является в полном смысле оригинальной, а представляет собою расширенный и дополненный свод двух более ранних повестей, в свою очередь, резко отличающихся друг от друга»³. Сходную мысль высказывает и Д. С. Лихачев: «...отдельной повести о нашествии Тохтамыша не существовало, и летописцы, описывавшие события 1382 г., не выходили за пределы обычных приемов своей работы, а отчасти и общей направленности изложения»⁴. Однако есть и иная точка зрения по этому вопросу. Л. А. Дмитриев предположил: «Хотя краткая и пространная редакции летописной повести о нашествии Тохтамыша на Москву дошла до нас только в составе летописей, возможно, что первоначально составлялась как самостоятельное произведение и в состав летописей была включена позже – в сокращенном виде в свод 1408 г. и в полном – в свод 1448 г.»⁵. Подобное предположение дает возможность рассмотреть этот памятник как самостоятельное художественное произведение, разумеется, принимая во внимание его летописные особенности.

Следует констатировать, что «Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву» не обошли вниманием авторы соответствующих глав и разделов академических «Историй русской литературы». С. К. Шамбинаго, Б. Н. Путилов и Л. А. Дмитриев, обобщая суждения и наблюдения своих предшественников над поэтикой этого произведения, сосредотачивают внимание на следующих вопросах: жанровое своеобразие, проблема героя, традиции и новаторство.

Относительно жанра Н. И. Тотубалин замечает: «Повесть выдержана в духе исторических сказаний. Она написана, очевидно, лицом духовного звания. Об этом свидетельствуют и прекрасные описания разорения церквей, подкрепленные библейским изречением, сетованием автора на то, что “святыя места погании оскверниша”»⁶. Есть у исследователя и второй аргумент в защиту своего предположения: «...выдвижение Остея героем повести дает основание предполагать, что эта ее редакция вышла из недр канцелярии митрополита Киприана, известного своей ориентацией на Литву»⁷. С. К. Шамбинаго указывает на оригинальность этого произведения: «Повесть о Тохтамыше уникальна в русской литературе, сама никому не подражала. Ее оригинальность подчеркивают два весьма показательных мотива»⁸. Эти мотивы таковы:

– выдвижение на первый план гостей-купцов: сурожан, суконников;

– искусный выстрел «суконника» Адама, позавивший татарского вельможу⁹.

Однако вывод, который делает С. К. Шамбинаго, противоположен выводу Н. И. Тотубалина в вопросе принадлежности автора к духовенству: «Эти особенности Повести о Тохтамыше вызывают предположения, что произведение вышло не из официальной или митрополичьей канцелярии, но появилось в среде торговой, понимавшей значение гибели городского богатства – “казны”»¹⁰. Противоречия эти до сих пор не сняты. Однозначно ответить на этот вопрос трудно, однако исследователи все же склоняются к тому, что более светский характер имеет краткая редакция, церковный – пространная.

Ценное наблюдение над проблемой героя делает Б. Н. Путилов. Он пишет: «В “Повести о Тохтамыше” нет индивидуального героя, который находился в центре повествования. Ее герои – простые люди, городские низы, “сурожане”, “суконники” и “прочие купцы”, которые должны были взять в свои руки оборону Москвы, после того как великий князь Дмитрий Иванович покинул город, не получив в своих попытках организовать отпор врагу поддержки от других князей: “они не хотяху помогати”, забыли, что надо жить “друг другу пособляя и брат брату помогая”»¹¹. Данное обстоятельство весьма необычно для воинских повестей в целом. В этом произведении, конечно, есть герои-князья, но великий князь Дмитрий Иванович – далеко не главное действующее лицо повествования, а эпизод с участием князя Владимира мы рассмотрим чуть ниже.

Подступы к осмыслению мотива божественного заступничества в воинской повести были обозначены С. К. Шамбинаго: «Вступлением к повести <...> служит указание на появление “хвостатой звезды” “аки копейным образом”, знаменующем “злое пришествие Тохтамышево”»¹². Нам все же думается, что характеризовать описание знамения как «вступление» не совсем точно, поскольку перед нами не произведение ораторского красноречия, а памятник повествовательной природы. Следовательно, это описание можно соотнести с *завязкой*, содержащей в себе беллетристический элемент и задающей тон высокохудожественной изобразительности, которую отмечают все исследователи этого произведения. А его функция может быть определена как *предупреждение о грозящей опасности*. Приведем это описание целиком: «Бысть нѣкое проявление по многы нощи: являшеся таково знамение на небеси на Востоцѣ пред раннею зарею – звѣзда нѣкаа, аки хвоста и аки копейнымъ образомъ, овогда же въ вечерней зари овогда же утренней <...> Се же знамение проявляше злое пришествие Тохтамышево на Рускую землю»¹³. В этом произведении мы встречаемся с такой формой проявления небесного заступничества, как *предзнаменование (предупреждение) беды*. Однако дальнейшие события трагичны: татары

добрались до Москвы и взяли город хитростью, хотя русские без боя не сдались: «...и идяху стрѣлы <...> аки дождева тучя» (196).

Есть и второй эпизод, связанный с небесным заступничеством. Князь Владимир Андреевич (брат Дмитрия Ивановича), как сказано в повести, «...стояще оплчився близъ Волока събравъ силу около себе. И неции от татаръ не вѣдуше его ни знающе его наехаша на нь. Он же о бозѣ укрѣпився и удари на нихъ и тако милостию божию овых уби, а иных живых пойма, а инии побѣгоша и прибѣжаша к царю, повѣдаша ему бывшее. Он же с того попудися и оттолѣ начать помалу поступати от града» (204). Судьба Олега Ивановича, князя Рязанского, «Иуды-предателя», сложилась печально. Он был вынужден бежать, а его землю Рязанскую захватили и разорили. В этом фрагменте для нас важно, что князь «о бозѣ укрепився». То есть оружием князя является не столько меч, сколько вера. Это особенно заметно, если принять во внимание, что в арсенале врага имеются меч и огонь, на что автор указывает неоднократно. Таким образом, боевой конфликт переводится в сферу трансцендентного. Победа и физическая, и моральная за тем, в чьем сердце Бог.

Несмотря на весь трагизм, в повести звучат нотки надежды: Тохтамыш отправляет в Москву посла по имени Карач, а Дмитрий Иванович велит ставить дворы и отстраивать город.

Интерес читателей и исследователей к «Повести о Темир-Асаке» объясняется, по мнению И. Д. Жучковой, ее жанровым своеобразием, ведь, с одной стороны, перед нами «воинская повесть (что и дает нам возможность обращения к этому произведению), рассказывающая о первой победе русских войск после страшного Тохтамышева разорения», и «сказание о чуде иконы Владимирской богоматери, спасшей столицу русского государства от нашествия жестокого азиатского завоевателя Тимура»¹⁴ – с другой.

«Повесть о Темир-Асаке» была создана в самом начале XV в., в 1402–1408 гг. Композиционно она членится на две части: «Первая часть – легендарная биография Темир-Асака и его завоевания; вторая часть – выступление в поход Василия Дмитриевича, перенесение иконы Владимирской богоматери, ее “сретение” и “чудо от иконы”»¹⁵.

Исследователи (С. К. Шамбинаго, Б. Н. Путилов, В. П. Гребенюк и др.) отмечали наличие «чуда от иконы» в памятнике, однако роль этого эпизода сводилась либо к проявлениям средневекового мировоззрения, либо к выражению идеи «патроната и богоизбранности русской земли»¹⁶ и легитимности власти московского князя. Например, Б. Н. Путилов отмечает: «...вторая часть повести, рассказывающая о неожиданном избавлении Руси от опустошительного нашествия, содержит важную и новую для того времени оценку московской великокняжеской

власти как освященной “свыше”, пользующейся божьим покровительством, и потому морально высокой, справедливой и законной. Эта власть воплощена в князе Василии Дмитриевиче, который противостоит Темир-Асаку как тип государственного деятеля. В связи с этим кругом идей в повесть включен рассказ о “чуде от иконы”. В момент прихода татар происходит перенесение из Владимира в Москву главной церковной святыни – иконы Богородицы. Тем самым еще более подчеркивается роль Москвы как нового политического и религиозного центра Руси»¹⁷.

Относительно провиденциализма Н. И. Тотубалин пишет: «После двухнедельной остановки из пределов Рязанского княжества он [Темир-Асак] неожиданно повернул обратно и ушел в приазовские степи. Это радостное для Руси событие, как раз совпавшее по времени с перенесением иконы из Владимира в Москву, и послужило основанием для создания повести о чудесном избавлении от нашествия Темир-Асака. Реальные причины, заставившие монгольского завоевателя отказаться от похода на Русь, в полной мере не выяснены до сих пор. Тем более они были непонятны автору повести. Поэтому в соответствии с религиозными воззрениями своего времени он связал их с вмешательством божественной силы»¹⁸.

Однако за пределами исследовательского внимания остается осмысление проявлений божественного вмешательства как «явлений художественного порядка»¹⁹, на чем мы и сосредоточимся. Прежде всего, нас интересуют два аспекта: сюжетные функции и способы введения небесного заступничества в текст повести. Способы «появления» чудес следующие: мотив действительности молитвы, авторский комментарий, констатация факта свершившегося и библейская аналогия.

Рассматривая их в сюжетной последовательности, отметим:

– *мотив действительности молитвы*: «Заступниче нашъ Господь, да не речеть: “Гдѣ есть Богъ ихъ?” – ты бо еси Богъ нашъ, иже гордымъ противляся! Стани, Господи, в помощь рабомъ твоимъ, на смиренныя своя рабы призри! Не попусти, Господи, сему оканному врагу поносити нас, твоя бо держава неприкладна и цесарство твое нерушимо! Слыши словеса варвара сего, избави насъ и град нашъ от аканнаго и безбожнаго цесаря Темиръ Аксака»²⁰ (234). На этот будто бы риторический вопрос взывающего к небу повествователя следует ответ: неприятель “убояся и устрашися, и ужашеся и смятеся”, и “нападе на нь страх и трепет”, и поворачивает назад»²¹;

– *авторская интерпретация описываемых событий, констатация факта свершившегося чуда*: «Тако Божию благодатию неизреченныя милости, молитвами святыя Богородица, град нашъ Москва цѣль и сохраненъ бысть, а Темиръ Аксакъ царь возвратися въспять, поиде въ свою землю. Оле преславное чудо! О превеликое удивление! О многое милосердие к роду кре-

стьяньскому! Въ который день принесена бысть икона пречистыя Богородица из Володимеря на Москву, и в той день Тимирь Аксакъ царь убоясь и устрашися, и ужасеся, и смятеся, и нападе на нь страх и трепеть, вниде страх въ сердце его и ужась в душу его, вниде трепеть в кости его, и скоро отвержеся и охаби воевати Руские земли, и въсхитишася быстрые путнаго шествия, и скорѣ *грядяху* к ордѣ, а к Руси тыль опоказующи, и *обратися* съ сродници своими въсвоися; *возвратишася* безо успѣха, възмятошася и въсколебашася, аки нѣкими гоними быша. Не мы бо их гонихомъ, но Богъ прогони изъ невидимую силою своею и пречистыя его Матери, скорыя заступници наша въ бѣдахъ <...>» (238). В этом эпизоде нам важно, что чудо предстает перед читателем не только как часть христианско-религиозного миропонимания, но и как «превеликое удивление», особенно если учесть, что сила Господа – это «невидимая сила», по выражению автора. Поскольку это центральный эпизод повести без сражения, выскажем предположение, что «чудо от иконы» проявляет себя в кульминационном моменте действия произведения;

– *библейская аналогия*: «Якоже древле при Езикѣиле цари и при Исаии пророцѣ Сенахиримъ, царь асурійский, прииде на Ерусалимъ ратью, зѣло похваляся в гордости велицѣ и на Бога вседержителя хулныя глаголы възмушася; царь же Езикѣиль тогда боляще, но аще боленъ бѣ, помолится къ Богу со слезами, *купно* съ пророкомъ Исаиемъ и со всѣми людьми – услыша Богъ молитву ихъ, паче же Давыда ради угодника своего, посла Богъ ангела своего, мню великого архангела Михаила, абие в ту ночь ангель Господень уби от полка асурійска 100 и 80 и 5 тысяч; наутреи же въсташа, обрѣтоша мертва трупия лежаща; царь же асурійский Сенахиримъ убоясь зѣло и устрашися, со останочными своими вой скоро отбѣжа въ Ниневгию град и тамо от своихъ детей убьень бысть и умре» (238). Как пишет В. П. Гребенюк, «само нашествие Темир-Асака сравнивается с библейской историей о нашествии царя Ассирийского на Иерусалим, таким образом, борьба с Темир-Асаком получает вечный, вневременный смысл»²². Аналогия сопрягается с современностью: «...не наши воеводы прогнаша Темиръ Аксака, не наши воинства пострашили его, но силою невидимую нападе на нь страх и трепеть, страхомъ Божимъ устрашился гнѣвомъ Божимъ гонимъ бѣ, подшався и отиде от Руския земля, отступивъ поиде прочь отнюду же прииде, земли Русѣй отнюду же не прикоснуся, ни оскорби, ни остужи, ни вреди ея, не поиде безъ врата. Мы же въстахомъ и прости быхомъ, онъ же заиде исчезе; мы ожихомъ и прости быхомъ, помощь наша *от Господа*, сотворшаго небо и землю» (240). На наш взгляд, этот эпизод не является сюжетным витком, будучи своеобразным авторским «послесловием» к рассказанной

истории, которое позволяет повествователю еще раз высказать свое отношение к описываемому и дает возможность быть убедительнее в расстановке акцентов в произведении.

Таким образом, мотив небесного заступничества проявляет себя в сюжетном движении повествования: в первом случае («Повесть о нашествии Тохтамышша») эпизод, его содержащий, можно соотносить с завязкой, во втором – с кульминационным моментом действия («Повесть о Темир-Асаке»). Формы его реализации – знамение и «чудо от иконы». Нельзя не отметить, что этот мотив может служить средством выражения авторской позиции. В этом случае он включается в текст при помощи библейской аналогии.

Примечания

- ¹ Орлов А. Об особенностях формы русских воинских повестей М., 1902. С. 4.
- ² Там же. С. 5, 6.
- ³ Тихомиров М. Древняя Москва. М., 1947. С. 192.
- ⁴ Лихачев Д. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века // Исследования и материалы по древнерусской литературе / отв. ред. В. Д. Кузьмина. М., 1961. [Вып. 2]. С. 15–16.
- ⁵ Дмитриев Л. Литература эпохи русского Предвозрождения XIV–XV веков // История русской литературы : в 4 т. Т. 1 : Древнерусская литература и литература XVIII века / редкол. тома : Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 180.
- ⁶ Тотубалин Н. Повесть о нашествии Тохтамышша // Русские повести XV–XVI веков / сост. М. О. Скрипиль ; ред. Б. А. Ларин. Л., 1958. С. 369.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Шамбинаго С. Литература Московского княжества конца XIV и XV вв. // История русской литературы : в 10 т. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220-х – 1580-х гг. / редкол. тома : А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. М. ; Л., 1945. С. 208.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Путилов Б. Литература конца XIV–XV веков. Развитие исторических жанров и зарождение бытовой повести // История русской литературы : в 3 т. Т. 1 : Литература X–XVIII веков / гл. ред. Д. Д. Благой. М. ; Л., 1958. С. 189.
- ¹² Шамбинаго С. Указ. соч. С. 206.
- ¹³ Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев). М., 1981. С. 190. Цит. по списку Карамзинской летописи. Далее цитируется это издание с указанием страниц в скобках.
- ¹⁴ Жучкова И. Повесть о Темир-Асаке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2 : Л–Я / АН СССР, ИРЛИ ; отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. С. 283.
- ¹⁵ Гребенюк В. «Повесть о Темир-Асаке» и ее литературная судьба в XVI–XVII веках // Русская литература

- на рубеже двух веков (XVII – начало XVIII в.) / отв. ред. А. Н. Робинсон. М., 1971. С. 190.
- ¹⁶ Там же. С. 200.
- ¹⁷ Путилов Б. Указ соч. С. 186.
- ¹⁸ Тотубалин Н. Повесть о Темир-Асаке // Русские повести XV–XVI веков / сост. М. О. Скрипиль; ред. Б. А. Ларин. Л., 1958. С. 371.
- ¹⁹ Лихачев Д. «Слово о полку Игореве» – героический пролог русской литературы. Л., 1967. С. 80.
- ²⁰ Цитируемый текст взят из рукописи Сборника XV века Государственной публичной библиотеки, Соловецкое собрание, № 914/804, л. 476–488 – здесь сохраняется ранний вариант, не включенный еще в текст летописи; текст сверен и исправлен по изданию: Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 124–128.
- ²¹ Путилов Б. Указ соч. С. 186.
- ²² Гребенюк В. Указ соч. С. 192.

Образец для цитирования:

Александров С. С. Мотив небесного заступничества в древнерусских воинских повестях XV века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 165–169. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-165-169.

Cite this article as:

Aleksandrov S. S. The Motive of Divine Intercession in Old Russian Military Novels of the XVth Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 165–169 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-165-169.
